

Юрий Михайлович Поляков

Демгородок

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122694
Демгородок: АСТ, Астрель; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-054342-7, 978-5-271-21210-9*

Аннотация

«Демгородок» – повесть-антиутопия, в ткань которой вплетен и детектив, и любовный роман, и политическая сатира. В персонажах читатели без труда узнают не только известных политиков и творцов «новой истории», но и людей из своего близкого окружения, а может быть, самих себя.

Содержание

1	4
2	10
3	16
4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Юрий Поляков

Демгородок

В глубоком подвале у пана Данила, за тремя замками, сидит колдун, закованный в железные цепи; а подале над Днепром горит бесовский его замок, и алые, как кровь, волны хлебещут и толпятся вокруг старинных стен. Не за колдовство и не за богопротивные дела сидит в глубоком подвале колдун: им судия Бог; сидит он за тайное предательство, за сговоры с врагами православной Русской земли...
Н. В. Гоголь. «Страшная месть»

1

На третьем контрольно-пропускном пункте «дерьмовоз» проверили в третий раз. Шофера ассенизационной машины Мишку Курылева поставили лицом к стене и обшарили, как последнюю подпольную сволочь из банды каких-нибудь там «молодых львов демократии». А сержант спецнацгвардейцев Ренат Хузин даже на всякий случай пошерудил у Мишки промеж ног автоматным стволом, чего раньше никогда не делал.

– Ну, ты достал! – тихо возмутился Курылев.

– Согласно приказу коменданта! – дружелюбно объяснил сержант Хузин.

Никогда еще Мишке не приходилось слышать, чтобы военный человек говорил «согласно приказу». Абсолютно все, включая коменданта Демгородка генерал-лейтенанта Калманова и даже самого Избавителя Отечества адмирала Рыка, обязательно говорили «согласно приказа». Не снимая пальца со спускового крючка АКМа, Ренат ловко вскочил на «дерьмовоз», откинул крышку люка и фонариком посветил в смердящую утробу цистерны.

– Никого нет? – простодушно изумился Курылев.

– Если бы там кто-нибудь был, тебя уже не было бы! – мгновенно отреагировал Ренат и улыбнулся с каким-то чисто восточным пренебрежением.

– Из-за письма, что ли, дергаетесь? – участливо спросил Мишка.

– Не дергаемся, Казакова, а служим Возрожденному Отечеству!..

Сколько раз Курылев пытался перешутить или хотя бы удачно поддеть сержанта, даже домашние заготовки придумывал, но безрезультатно... Оно и понятно: Хузин попал в спецнацдивизию «Россомон» со второго курса филологического факультета МГУ по добровольному набору в честь первой годовщины исторического рейда подводной лодки «Золотая рыбка» к берегам Японии. Он и здесь в свободное от дежурства время Сен-Жон Перса читает!

Спрыгнув на землю, Ренат безразлично осмотрел свой пятнистый комбинезон, поправил казаковатую папаху и достал из кармана пачку «Шипки». Сразу забыв обиды, Курылев с удовольствием принял редкостную сигаретку.

– И вонючее же дерьмо у демократов! – молвил сержант, закуривая.

– Это добро у всех одинаковое... – с рассудительностью профессионала отозвался Мишка, втягивая в себя заморский никотинчик, которым в Демгородке баловались только спецнацгвардейцы. Остальные же довольствовались отечественным табачком, произрастающим в абхазской губернии и продающимся на вес в сельмаге с хамским названием «Товары первой необходимости».

Курылев хотел было похвастаться, как подполковник Юрятин угощал его потрясающими сигаретами под названием «Царьградские», выпущенными специально к подписанию Варненской унии, но, подумав, делать этого не стал.

– Смелый ты парень, Мишкоатль! – неожиданно сказал Ренат и хитро поглядел на Мишку.

– Почему?

– Потому что любовь и смерть всегда вдвоем...

– Это откуда? Из песни?..

– Из устава караульной службы... – засмеялся Хузин, бросил окурок на асфальт и растер его кованой подошвой.

Наверное, это был условный знак, потому что бронированные ворота медленно раскрылись – и через минуту Мишка уже въезжал на территорию Демгородка. Для тех, кто не видел замечательного телесериала «Всплытие», получившего «Золотую субмарину» на Международном московском фестивале, я в общих чертах опишу место действия.

Демгородок очень похож на обычный садово-огородный поселок, но с одной особенностью: по периметру он окружен высоким бетонным забором, колючей проволокой и контрольно-следовой полосой, а по углам установлены сторожевые вышки, стилизованные под дачные теремки. На каждых шести сотках стоит типовое строение с верандочкой. Все домики выкрашены в веселенький желтый цвет и отличаются друг от друга лишь крупно намалеванными черными номерами.

Через весь Демгородок проходит довольно широкая асфальтированная дорога, которую сами изолянты с ностальгическим юмором именуют Бродвеем. Она упирается в длинное блочное здание, украшенное большим транспарантом «Земля и не таких... исправляла! Адмирал Рык». В правом крыле расположен почти всегда закрытый зубоврачебный кабинет, в левом – валютный магазинчик, а посередине – кинозал с хорошей клубной сценой.

Достопримечательность Демгородка искусственный пруд с пляжиком, присыпанным песком. За прудом – кладбище, пока еще небольшое, могил в тридцать, а за кладбищем обширное общественное картофельное поле, упирающееся, разумеется, в забор. От широкого Бродвея ответвляются дорожки поуже, но не асфальтированные, а просто посыпанные щебенкой. По ним можно подъехать к любому из 984 домиков – хотя бы для того, чтобы вычистить выгребные ямы...

Мишка сердито посигналил – жердеобразный изолянт, понуро тащившийся по Бродвею, испуганно встрепенулся и сошел на обочину. Это был поселенец № 236, знаменитый эстражник, угодивший сюда за чудовищную эпиграмму на Избавителя Отечества:

Какой-то пьяный адмирал
Подол Россиюшке задрал...

Кстати, поначалу никаких «удобств», а значит, и выгребных ям в Демгородке не было: просто-напросто слева от каждого домика торчала банальная дощатая будка. Веселый вертолетчик сказал даже, что сверху поселок похож на парад дам с собачками. Но после того как один за другим сразу шесть изолянтов (два из команды ЭКС-президента, три из команды экс-ПРЕЗИДЕНТА и один нераскаявшийся народный депутат) повесились почему-то именно в этих непотребных скворечниках, из Москвы пришло распоряжение: в домиках устроить сортиры, а будки переоборудовать под летние душевые. Вскоре появилась и ассенизационная машина.

Поначалу Демгородок был задуман как своего рода заповедник, где государственные преступники, изолированные от возмущенного народа, должны были один на один остаться с невозмутимой природой. Но в первую же зиму несколько человек померзло, а прочие истощились до неузнаваемости. Хотя всем и каждому весной были выданы семена, а осенью – дрова! Узнав об этом, адмирал Рык раздраженно поиграл своей знаменитой подзорной трубкой и произнес: «Еще страной хотели руководить, косорукие! Обиходить!..» С тех пор в

Демгородке появились центральная котельная, медпункт, продовольственный склад, а позже и валютный магазинчик «Осинка».

Сверившись с путевкой-нарядом, Мишка свернул к домику № 186. На крылечке сидел пожилой изолянт и с государственной сосредоточенностью чистил морковь. Его глянцева лысина состояла в каком-то странном, диалектическом противоречии со щеками, покрытыми недельной щетиной. Как и все обитатели Демгородка, одет он был в джинсовую форму, пошитую специально для первых российских Олимпийских игр. Но адмирал Рык забраковал эту форму, сказал, что такие «балдахоны» можно сшить только врагам. Его поняли буквально и всю неудавшуюся спортивную одежку распихали по демгородкам, предварительно споров олимпийские эмблемы – гербового орла, держащего в когтях пять колец. От прежнего, устаревшего, новый орел отличался тем, что головы его смотрели не в разные стороны, а друг на друга и с явной симпатией.

– Здравствуйте, дорогой! – вкрадчиво поприветствовал лысый и помахал морковкой.

– Здравствуйте, № 186, – хмуро отозвался Курылев, засовывая толстую гармошчатую кишку в отверстие выгребной ямы.

По инструкции охрана и персонал Демгородка обращались к изолянтам исключительно по номерам. Причем если осужденный – крайне редко! – проживал вместе с родственниками, то инструкция предусматривала прибавление к номеру соответствующей литеры. Ну, к примеру: жена – № 186-А, дочь – № 186-Б, сын — № 186-В. И так далее. Но к лысому эта детализация отношения не имела, так как все близкие от него отказались, опубликовав открытое письмо в «Известиях».

– Хорошая сегодня погодка, не так ли? – не обращая внимания на Мишкин тон, с неестественной задушевностью продолжил лысый.

– Хорошая, – буркнул Курылев, потянул на себя рычаг, кишка дернулась – и процесс пошел.

– А верно, что Стратонова застрелили в Нью-Йорке? – спросил приставучий изолянт.

– Передавали, что погиб при невыясненных обстоятельствах... – уклонился от ответа Курылев, хотя доподлинно знал: бывшего президента телекомпании «Останкино» искрошили автоматными очередями прямо в супермаркете, в рыбной секции, несмотря на его фальшивый паспорт и накладную бороду.

До прихода к власти адмирала Рыка сам лысый заведовал у Стратонова популярной программой «Результаты» и, появляясь на экране, врал до изнеможения.

– А ведь я его предупреждал! – почти удовлетворенно заметил изолянт. – «Не достанут, не достанут!» Достали.

– Возмездие народа неотвратимо, – подтвердил Мишка, предпочитая в подобных случаях отделяться фразами, которых вдоволь наслушался, томясь на КПЗ (контрпропагандистские занятия).

Занятия обычно проводил майор из рижского филиала Всероссийского центра исследований политико-морального состояния личного состава (ВЦИполморсос). Рассказывал полморсосовец и о лысом – матером агенте влияния, посаженном в Демгородок за подрыв государственного самосознания населения и злостную сионизацию эфира. Правда, по национальности он был всего-навсего армавирским греком, но, как справедливо заметил адмирал Рык в речи по случаю восстановления фонтана «Дружба народов» на ВДНХ, «национальность гражданина определяется его любовью к Родине, а не длиной его носа».

– Хотите морковку? – неожиданно предложил лысый.

– Нет, № 186, не хочу! – резко отказался Мишка: инструкция строго-настрого запрещала любые виды неформальных контактов с поселенцами.

– Извините... – поняв свою бестактность, смутился бывший сионизатор эфира. – Я просто хотел спросить вас, что вы думаете об амнистии? Ходят слухи...

– О чем? – обалдел Курылев.

– Об ам... Об амнистии. Ведь И. О. – великодушная личность...

– Не понял? – нахмурился Мишка.

– Простите, пожалуйста, я хотел сказать: ведь Избавитель Отечества – великодушный человек, и к свадьбе, надо полагать...

– Еще какой великодушный! А то бы вы уже давно червей сионизировали! – лихо сказал Мишка и пожалел, что Ренат его не слышит.

– Ну зачем же вы так... – выронив морковку, пробормотал лысый.

Тем временем гармошчатая кишка зачмокала, как если бы великан попытался через соломинку добрать из гигантского стакана остатки коктейля с вишенками. Курылев выключил насос, глянул на часы, показывавшие 15.37, но в путевке-наряде почему-то записал 16.07. Потом, даже не попрощавшись с поникшим 186-м, он вырулил на Бродвей и медленно двинулся вдоль сетчатых заборов с металлическими калитками. При этом Мишка внимательно осматривал улицу, совершенно безлюдную, если не считать попавшегося навстречу изолянта, похожего на выросшего до необъяснимых размеров крота. Он с трудом волок две туго набитые полиэтиленовые сумки с надписью «Осинка», да еще под мышками нес длинную коробку спагетти и пивную упаковку о шести банках.

Поравнявшись с домиком № 55, Мишка сердито остановил машину, вылез из кабины, поднял капот и озабоченно уставился в прокопченные кишки «дерьмовоза». Разглядывал он их до тех пор, пока перегруженный человек-крот не скрылся на своем участке.

– Вот зараза! – воскликнул Курылев и повернул кепку козырьком к затылку.

Копавшаяся в грядках темноволосая девушка, одетая во все тот же олимпийский комплект, бросила тяпку, встала с колен и подошла к ограде. У нее была странная, запечатленная улыбка, какую иногда можно видеть на лице человека, старающегося по возможности весело рассказать о своем горе.

– Извините, № 55-Б, – произнес Мишка зло и отчетливо. – Можно я наберу воды? Мотор перегрелся...

– Пожалуйста, – пожав худенькими плечами, ответила она.

Курылев достал из кабины грязное помятое ведро и, толкнув калитку, ступил на дорожку, ведущую прямо к крыльцу. Но сначала он снова внимательно огляделся – кругом не было ни души. «Мемуары строчат!» – подумал Мишка, имея в виду ЭКС-президента и экс-ПРЕЗИДЕНТА, живущих в соседних домиках.

Эту часть Демгородка изолянты между собой именовали «Кунцевом» – и действительно, самые крупные злодеи периода Демократической Смуты проживали именно здесь. Курылев посмотрел на возводимую возле президентских домов будку, похожую на те, что обычно стоят возле посольств. Там тоже никого не было – строители уже ушли. Будку назначили сюда совсем недавно, после того как неделю назад в окно ЭКС-президента влетел булыжник, по-гастрономному завернутый в письмо следующего содержания:

ГОТОВЬСЯ, ГАД, К СМЕРТИ!

Молодые львы демократии

На крыльце Мишка тщательно вытер ноги, а особенно плотно прилипшую лепешку грязи соскреб, поелозив подошвой по ступенькам.

– На кухню проходите, – громко подсказала девушка и сама пошла вперед.

На маленькой веранде стоял застеленный старой клеенкой стол, а на нем – трехлитровая банка с темно-алыми пионами. Опущенные в воду стебли были обметаны крошечными пузырьками воздуха. Упавшие на клеенку лепестки напоминали густые, чуть подсохшие капли крови. Курылев прошел в кухню, поставил ведро в раковину и включил воду.

– Ржавая, – предупредила девушка.

– Мне без разницы.

Она покачала головой и подошла к плите, где на маленьком огоньке кипела, чуть подрагивая крышкой, кастрюлька. Срочную службу Мишка тянул в Душанбе (теперь это уже Афганистан) и как-то раз в магазинчике видел чудной ценник: «Набор: кастрюль, кастрюля, кастрюльчик – 10 р. 50 к.».

Девушка зачем-то приподняла пальцами крышку и тут же со звоном ее уронила.

– Обожглась? – спросил он.

– Чуть-чуть. Но так даже лучше...

– Почему?

– Не знаю. Боль успокаивает.

– Выдумщица ты, Ленка! Где отец-то?

– На пруду, – ответила она, подходя к нему, – рыбу ловит...

– А он не вернется?

– Нет, я сказала, что приду полоскать белье. Он будет ждать.

– Послушай, а он знает про меня?

– Конечно.

– Ну и что он говорит?

– Не переживай! Совсем не то, что Озия – Юдифи... – засмеялась Лена и обняла Курылева.

Ведро в раковине наполнилось, и вода полилась через край.

– Пахну я, наверное, черт-те чем, – вздохнул Мишка.

– Дурачок ты! – снова засмеялась она и сильно потерлась щекой о его щеку.

Мишка поцеловал ее в смеющиеся губы, поцеловал так, как целуют только близких, уже изведенных женщин. При этом он ухитрился глянуть в окно – между занавесками виднелись калитка и часть посыпанной красноватым песком дорожки.

– Ми-ишка, я так соскучилась! – вздохнула Лена.

– Я тоже...

– Ми-ишка, пойдем в спальню, – попросила она.

– Нельзя – могут подкрасться. Ты пойми!

– Ну пожалуйста!

– Нельзя, Леночка! Мне тоже хочется по-людски, но нельзя!

– Я понимаю...

Она подошла к крану, выключила воду и медленно начала расстегивать металлические пуговицы, на которых был выдавлен все тот же орел с подружившимися головами.

– Я думала, мы вечером увидимся...

– Сегодня фильма не будет, – не сразу отозвался Мишка.

У него всегда перехватывало дыхание, когда он видел, как она, заведя руки за спину и изогнувшись, расстегивает лифчик.

– Почему? – спросила Лена.

– Подарок вам к празднику.

– К какому празднику?

– Ко дню рождения И. О.

– А-а-а... Понятно.

Сняв с себя все, она обернулась к Курылеву и стояла перед ним, одной рукой стараясь прикрыть грудь, а другой темный ухоженный треугольничек.

– Похожа я на боттичеллиевскую Венеру? – с неловкой игривостью спросила она и покраснела.

– Есть немного... – ответил Мишка, подходя к ней вплотную. – Но у тебя фигура лучше!

Теперь, после шершавой казенной «джинсы», ее тело показалось Курылеву таким бесплотно-нежным и шелковистым, что даже пальцы занемели. Мишка обнял Лену сзади, бережно подтолкнул к окну и ласково заставил опереться руками о подоконник.

– Тебе сегодня можно? – шепотом спросил он.

– Конечно! – тоже шепотом ответила она и, оглянувшись, поцеловала его в шею. – Конечно, можно! Не думай об этом... Боже мой, Ми-ишка!..

– Тише! – Не отводя глаз от окна, Мишка закрыл ей рот ладонью. – Только тише!..

...Потом, уже сев в машину и положив еще не успокоившиеся руки на баранку, Курылев заметил возле большого пальца два красных, вдавленных в кожу полукружья – следы от ее зубов, похожие на две скобочки. И он почему-то вспомнил, как по правилам школьной математики сначала нужно выполнить действия с числами, заключенными в скобки, а потом уже все остальное...

2

В четырех километрах от деревни Алешкино, если идти через лес, любознательный путник еще пяток лет назад мог обнаружить поросший березняками торфяник, который местные жители называли Змеиным болотом. Раньше там и в самом деле было болото, но потом его осушили, намереваясь отдать землю под садово-огородное товарищество Союзу советских писателей. Но когда начальствующие литераторы приехали осматривать место, то обнаружили почти на каждой кочке по свернувшейся кренделем гадюке. Оценив обстановку, они заявили, что им, кроме этого Змеинового болота, хватает и своих, во многом похожих, внутрисписательских проблем. Тогда райисполком решил попридержать участок, чтобы со временем рвануть за него в городе у какой-нибудь более заинтересованной организации несколько приличных квартир. Так оно и случилось бы, но негоция, как это часто бывает, подзатянулась, а потом разразилась Демократическая Смута...

Через неделю, после того как адмирал Рык объявил по телевидению, что все имевшие отношение к низвергнутому режиму врагоугодников и отчизнопродавцев понесут неотвратимое наказание, – на Змеином болоте приземлился вертолет. Пригибаясь и придерживая руками головные уборы, из него вылезли человек в штатском, генерал и куча суетливых полковников.

– Сколько отсюда до ближайшего населенного пункта? – спросил штатский, внимательно ковыряя мыском ботинка торфяную почву, похожую на отработанный «экспрессом» кофейный жмых.

– Четыре километра, господарищ первый заместитель! – отчеканил совсем еще молоденький полковничек. В синих петлицах его шинели золотились маленькие двуглавые орлы, держащие в лапках щит и меч.

– Близковато, – покачал головой штатский. – А до станции?

– Тридцать один километр, господарищ первый заместитель! – доложил другой полковник.

– Далековато... А как называется это место?

– Змеиное болото, Петр Петрович, – усмехнувшись, сообщил генерал.

– Да ты, Калманов, смеешься надо мной!

– Ей-богу, Петр Петрович!

– Ну, если и вправду Змеиное болото, тогда подойдет! – захохотал штатский. – Доложу И. О. – не поверит!..

Вертолет поднялся в воздух и, чуть заваливаясь на бок, скрылся из виду. А через два дня целая колонна выкрашенных в защитный цвет КраЗов привезла на торфяник военных строителей. Они разбили большие, похожие на шатры походные палатки и приступили к работе. Гадюк убивали саперными лопатками и подвешивали к ветвям большой березы, которая в конце концов стала походить на некое культовое дерево каких-нибудь там друидов.

Почти ежедневно на Змеином болоте появлялся уже знакомый нам генерал. Он хозяйственным шагом обходил строительную зону и придирчиво следил за тем, как солдатики размечают колышками территорию, как наскоро из широких бетонных плит мостится дорога, как экскаваторы начинают рыть траншеи под фундаменты.

– Господарищ генерал, а не жирно им будет по шесть соток-то? – как-то раз обиженно спросил его по пояс вымазанный в торфяной жиже командир стройвзвода.

– По мне, поручик, для них и двух квадратов достаточно... Но это приказ адмирала Рыка!

Поначалу алешкинцы оторопело приглядывались к созидательному авралу, закипевшему рядом с их деревенькой. К тому же за годы Демократической Смуты от всяких видов строительства, за исключением трехэтажных особняков, принадлежавших новым хозяевам жизни, народ сильно поотвык. А тут такое дело! Но потом они сначала робко, а затем посмелей начали приставать к солдатам и офицерам с просьбами продать кирпич, цемент, доски, шифер и прочие строительные чудеса, столь необходимые в сельском домовладении. Однако служивые резко отказывались от заманчивых предложений и посылали алешкинцев назад, в деревню. Не удалось даже заманить экскаватор, дабы углубить и расширить придорожный кювет, прилично замусорившийся за последние двадцать лет. И это было уж совсем странно!

– Не положено! – только и отвечали строители.

– Ну а ежели мы поболее того положим? – осторожно приставали селяне.

– За расхищение материалов и нецелевое использование техники на территории спецобъекта – пятнадцать лет! – как по писаному ответствовали им.

– Какого такого спецобъекта?

– За разглашение информации о спецобъекте – исправительно-дезактивационные работы!

На следующий день по деревне поползли слухи, будто пресловутый спецобъект не что иное, как будущая тайная ставка Избавителя Отечества адмирала Рыка. Эта версия вызвала прилив гордой радости, так как жить вблизи столь важного места почетно, да и небезопасно. Во всяком случае, снабжение сельмага со свиным названием «Товары первой необходимости» улучшится непременно! Ведь адмирал Рык – человек справедливый и наверняка захочет узнать, как тут в непосредственной близости от тайной ставки обитают простые русские люди. Рассказывали, что недавно он приказал остановить свой бронированный лимузин возле Елисеевского магазина на улице Солженицына и, не обнаружив в витринах никакого сыра, пожелал посетить подсобные помещения, где вышеупомянутый продукт лежал чуть ли не штабелями. «Сыр любишь?» – ласково спросил адмирал очугуневшего в ужасе директора и заставил его есть «голландский» вперемежку со «степным», пока торговый ворюга не упал замертво. Теперь, говорят, в московских магазинах сыр дают чуть ли не в нагрузку.

Наверное, на этих счастливых догадках селяне и успокоились бы, не ввяжись в дело киномеханик Второв, единственный, но шумный и неотвязный алешкинский демократ, собственноручно в свое время расколотивший молотком гипсовый бюст Ильича в клубе и разметавший ленинский уголок в сельсовете. Но особенно он злоупотребил односельчанами во время августовских событий 1991 года, которые, между прочим, адмирал Рык в одной из своих речей назвал «генеральной репетицией великого избавления». Пока конечные результаты «генеральной репетиции» были еще неочевидны, Второв, забаррикадировавшись, отсиживался в своей кинобудке, изредка через проекторные окошки посылая проклятья в адрес командно-административной системы. Но как только исход московских игр стал ясен, он разбаррикадировался и стал бегать по деревне, составляя списки тех, кто не протестовал против ГКЧП. Тогда ему просто-напросто набили морду и отобрали бумажку, куда он успел вцарапать, почитай, всю деревню, включая младенцев, не способных еще выговорить «ГКЧП». После той истории Второв надолго затаил свои демократические наклонности и, лишь когда началось строительство таинственного спецобъекта, предпочел взять политический реванш.

Перед демонстрацией очередного американского боевика он вышел на сцену и объявил «господам зрителям», будто бы «спецобъект» на самом-то деле строительство алешкинской атомной электростанции! Следовательно, через несколько месяцев все жители деревни превратятся в мутантов с непредсказуемым количеством конечностей, а мужчины вдобавок лишатся всех своих потенциальных возможностей.

Наутро человек двадцать алешкинцев, в основном кормящие матери, пенсионеры и мужики, давно утратившие все мыслимые возможности в результате беспробудного пьянства, загородили дорогу военным строителям. Над головами они держали несколько торопливо и орфографически небезукоризненно сработанных плакатов:

НЕ ХОТИМ БЫТЬ МУТАНАМИ!

АЛЕШКИНО – БЕЗЪЯДЕРНАЯ ЗОНА!

НА КОЙ БЕС НАМ АЭС?!

Строители поколебались и на всякий случай вызвали по рации начальство – генерала Калманова. Он примчался часа через полтора на своем бронетранспортере, который был настолько обляпан грязью, что напоминал куриную ножку в соусе «сациви». Вместе с ним приехали два здоровенных спецназгвардейца из дивизии «Россомон», вооруженные укороченными десантными автоматами.

– Значит, демонстрируете? – строго осведомился генерал.

– Да! И ляжем здесь под ваши проклятые экскаваторы! – задыхаясь от свободолюбия, крикнул Второе и махнул рукой. – АЭС не пройдет!

Поупражнявшиеся вечер в клубе, алешкинцы довольно слаженно подхватили:

– АЭС не прой-дет! АЭС не пройдет!

– У вас тут не то что АЭС, даже вездеход не пройдет, – хмуро отозвался генерал. – А при чем тут АЭС?

И тогда деревенские, перебивая и отталкивая друг друга, заголосили про мутантов с конечностями, про утрату самого заветного, про рентгены, реакторы, радиацию и многое другое, имеющее непосредственное отношение к атомной энергетике. Генерал поначалу слушал, играя желваками, потом посветлел лицом и наконец просто расхохотался:

– Да ведь мы у вас не АЭС строим!

– А что же в таком случае? – ядовито любопытствовал Второе.

– Демгородок.

– Что-о? – изумились демонстранты.

– Дем-го-ро-док.

– А сам-то ты кто будешь?

– Я генерал Калманов, комендант... Толпа, заступившая путь атомной угрозе, колебнулась и чуть приспустила плакаты.

– Так бы сразу и объявили! Что ж людей зря заблуждать! – крикнула одна очень уважаемая деревенская старушка, вдова незапамятного колхозного председателя, скончавшегося в начале шестидесятых прямо на заседании бюро райкома партии.

– А у меня сестра замужем возле Академгородка живет! – подхватила иная старушка. – Люди там аккуратные и снабжение хорошее!

– Господа, господа, не верьте – он нагло лжет... – вскричал Второе, но пал, сраженный оплеухой крепкого еще пенсионера, у которого он некогда всех внучат записал в гзачепис-ты.

– В общем, расходитесь! – приказал генерал и, подумав, спросил: – А другой дорогой к станции проехать можно?

Демонстранты, все еще держа плакаты, но уже горячо симпатизируя коменданту, хором начали объяснять, что на первой развилке нужно повернуть налево, у бугра, где в войну был немецкий ДОТ, – направо, а уж потом двигаться прямо в обход...

Генерал пожал плечами и указал пальцем на поднявшегося с земли Второва:

– Этот дорогу знает?

– А как же! – закивали алешкинцы. – Все время нам разную американскую дрянь из города возит! Никакого тебе русского кино не покажет.

– Знает – скажет, – молвил комендант и еле заметно дернул щекой, но приехавшие с ним спецназгвардейцы поняли эту мимическую судорогу как вполне конкретный приказ. Они схватили Второва, только и успевшего пискнуть «Про...», и, словно мешок с картошкой, метнули его внутрь бронетранспортера.

Весь оставшийся день сельчане гадали, что же имел в виду изъятый киномеханик: «Про...тестую!» или «Про...курора!» Но этот вопрос остался открытым, ибо Второе исчез надолго – и алешкинцы в течение трех месяцев, покуда не объявился новый кинокрут, обходились без фильмов.

Оставался еще, конечно, верный друг долгих сельских вечеров – телевизор. Однако, придя к власти, адмирал Рык строго-настрого запретил пускать в эфир всякую там западную и отечественную непотребщину. Одну сомнительную дикторшу мгновенно уволили лишь за необдуманно низкое деколье. По этому поводу видный сексовед в узком кругу заметил, что если так пойдет и дальше, то лет через двадцать в России женские ключицы станут таким же эротическим объектом, как, допустим, бюст. В целом же телепрограммы теперь были выдержаны в духе созидательной умеренности и гражданской ответственности, но в конце месяца, если сводки Статистического управления внушали оптимизм, по «ящику» показывали какой-нибудь достойный развлекательный фильм, чаще индийский или мексиканский.

А каждую субботу, вечером, перед народом выступал сам адмирал Рык. Он делился мыслями о текущей политике и экономике, рассказывал поучительные истории из своей морской жизни, а в заключение непременно сообщал об очередном понижении цен. Прежде чем принять какое-либо важное решение, он всегда советовался с людьми. Так и говорил, глядя с экрана в душу: «Давайте-ка, соотечественники, посоветуемся!» Однажды адмирал Рык сказал, что у капитализма и социализма есть свои сильные и слабые стороны, поэтому слабые стороны разумнее всего отбросить, а сильные, напротив, объединить и взять на вооружение. В связи с этим, для начала, Избавитель Отечества предложил отказаться в быту от слов «товарищ» и «господин», а обращаться друг к другу по-новому – «господарищ», что как-то больше соответствует тому особому пути, которым двинулась возрожденная Россия. «Вот, понимаете, хочу с вами посоветоваться. Согласны! Спасибо за поддержку!..» А рано утром продравшая глаза держава уже читала в воскресных газетах указ о новой обязательной форме обращения граждан друг к другу.

Появляясь на экране, адмирал был неизменно одет в глухой темно-синий китель с единственным украшением – значком в форме крошечной подводной лодки, а в руках обязательно держал маленькую серебряную подзорную трубу, каковую складывал и раздвигал в государственной задумчивости. Но особенно простым людям нравилось его отечественное лицо со следами житейских невзгод и некоторых излишеств. Частная жизнь Избавителя Отечества давно уже обросла мифами и легендами. В очередях можно было услышать рассказы о том, что адмирал способен не моргнув выпить литр «шила» – так на флоте называют спирт; о том, что у него сейчас крепкий романец с популярной исполнительницей народных песен Ксенией Кокосниковой, но жену свою, Галину, и сына-нахимовца он никогда не оставит, как и подобает настоящему мужчине!..

Тем временем Демгородок рос не по дням, а по часам. Всего за три месяца Змеиное болото превратилось в большущий поселок, обнесенный высокой бетонной стеной. И все-таки к сроку сдачи, указанному Избавителем Отечества, не успевали и потому работали круглые сутки, ночью при свете прожекторов. По недостроенным объектам метался взмыленный генерал Калманов и кричал, что если они не успеют к завершению процесса, то он, Калманов, перед тем как застрелиться, сначала люто расправится со всеми лентяями и разгильдяями, срывающими дело государственной важности!

А к Демгородку все шли и шли груженные КамАЗы. Теперь их кузова были плотно набиты яблонями-трехлетками, и машины издали напоминали огромных ежей.

– Сажать будут! – догадались алешкинцы и как в воду глядели...

В субботу вместо традиционного обращения к российскому народу по телевизору показали пресс-конференцию адмирала Рыка, которую он давал отечественным и зарубежным корреспондентам по случаю окончания судебного процесса над «заправилками и пособниками псевдодемократического антинародного режима». Тогда-то он и заявил, что все эти врагоугодники и отчизнопродавцы будут изолированы от общества в специальных садово-огородных поселках.

– Вот те на! – оторопели алешкинцы.

Были удивлены и представители печатных изданий.

Корреспондент журнала «Огонек». Многоуважаемый господарищ адмирал, чем вызвана такая странная снисходительность к этим выродкам и агентам влияния?

Адмирал Рык. Хороший вопрос. Я вижу, «Огонек» перестал гореть желтым огнем! (*Смех в зале.*) Так вот, суд, как вы уже знаете, вынес всем смертные приговоры, но мы посоветовались и сочли возможным сохранить им жизнь, чтобы они своими глазами увидели возрожденную Россию. Это для них будет самым большим наказанием! (*Аплодисменты.*)

Корреспондент газеты «Московские новости». Прежде всего, господарищ гвардии адмирал, я хочу от себя лично и от имени моих коллег поблагодарить вас за встречу и откровенный разговор! А теперь мой вопрос. Стало известно, что эти предатели Родины будут жить в собственных домиках и даже получают шесть соток для огородничества! И это в то время, когда честные труженики...

Адмирал Рык. Отставить! Вопрос понят. Мы посоветовались и решили: пусть в земле покопаются, пусть сначала хрен с редькой научатся выращивать! (*Смех, одобрительные выкрики.*) Деятели! Пусть поживут так, как простой народ жить заставляли! (*Аплодисменты.*)

Корреспондент газеты «Вашингтон пост». Господин адмирал, каким образом вы хотите обходиться с родственниками узников?

Адмирал Рык. Близким родственникам изолянтов мы разрешим жить вместе с ними.

Корреспондент. Как это много?

Адмирал Рык. Мало. Большинство родных и близких не хотят иметь с этими выродками ничего общего. Пока к нам обратились всего несколько жен и дочь одного изолянта...

Корреспондент. О, тем не менее это будут новые декабристки! (*Возмущение в зале.*)

Пресс-секретарь адмирала. Мистер Ларднер, покиньте зал! Вы нарушили регламент. Мы договаривались только по одному вопросу!

Корреспондент газеты «Российский Крым». Скажите, ради бога, возможен ли побег из мест поселения? Нас, крымчан, как известно, страшно пострадавших в годы демократического лихолетья, чрезвычайно волнует этот вопрос!

Адмирал Рык. Побег исключен.

Корреспондент газеты «День». Господарищ адмирал флота, мондиалистские средства информации кричат о якобы массовом строительстве спецпоселений у нас в стране, чуть ли не о возрождении ГУЛАГа. Что вы думаете по поводу этой клеветы?

Адмирал Рык. Врут и не краснеют. Построено два объекта, каждый примерно на тысячу посадочных мест, не считая членов семей. Узок круг этих негодяев... Ну и так далее...

Корреспондент. А бывшие президенты? Где они будут отбывать наказание? Или на них помилование не распространяется?

Пресс-секретарь. Коллега, вы нарушаете регламент! Мы договаривались...

Адмирал Рык. Да ладно уж... Экс-президенты будут огородничать вместе со своими подручными. Земля и не таких засранцев исправляла... *(Смех, одобрительные аплодисменты.)*

А на следующий день, когда алешкинцы бурно обсуждали итоги пресс-конференции и гадали, как отразится прояснившееся назначение Змеинового болота на ассортименте сельмага с подлым названием «Товары первой необходимости», к Демгородку подъехали две зарешеченные машины под охраной взвода спецнацгвардейцев из дивизии «Россомон». Из машины вылезли два экс-президента с супругами. Бывшие лидеры старательно, лишь бы не встретиться взглядами, озирались по сторонам, точно рассматривая одним им видимые фрески. После обоюдного рукоприкладства, случившегося во время очной ставки и показанного по распоряжению И. О. – простите, Избавителя Отечества! – по телевизору всему народу, они прекратили между собой всякое сообщение. И только жены чуть заметно кивнули друг другу – женщины всегда дальновиднее...

С лязгом отворились огромные бронированные ворота, и первые жители Демгородка ступили на свежеположенный, мягкий еще асфальт. Их следы' можно и сегодня увидеть возле третьего КПП.

3

Мишка Курылев объявился в родной деревне после почти восьмилетнего отсутствия. Впрочем, нет – пять лет назад, будучи еще курсантом Таллинского (ныне Ревельского) военного училища, он приезжал в Алешкино на похороны матери, крепко запил с горя, но даже в таком беспросветном состоянии наотрез отказался продать отчий дом молодому зоотехнику, присланному из города. Правда, «отчим» этот дом называть не совсем правильно, так как сызмальства о своем отце Мишка не имел никакой информации, кроме, естественно, генетической.

Вернулся же на родину Курылев потому, что из армии его вычистили. О причинах такой немилости по алешкинским завалинкам бродили разные слухи. Поговаривали, что подпоручик Курылев, с мальчишеских лет отличавшийся перехватистостью, попался на спекуляции долларами и по этой причине за месяц до присвоения очередного звания был с позором выставлен из вооруженных сил. Однако эта версия сомнительна по двум причинам. Во-первых, с приходом к власти адмирала Рыка времена, когда офицерам, чтобы прокормить семью, приходилось рыть канавы и мыть витрины, безвозвратно закончились. Выступая по телевидению с сообщением о многократном увеличении жалования военнослужащим, Избавитель Отечества очень точно заметил: «У офицера после окончания служебного дня должна оставаться одна проблема – снять сапоги...»

Но даже если Мишку и обуяла совершенно необъяснимая в свете адмиральской щедрости алчность, то все равно оставалась вторая причина: за спекуляцию валютой давали пожизненное заключение, а могли отправить и на исправительно-дезактивационные работы. Всем еще памятен знаменитый случай, когда Избавитель Отечества объявил конкурс на новый государственный гимн и поручил сочинительство композитору, заранее приглянувшемуся ему своей песней «Нам родину вернул отважный адмирал!». Недруги и завистники, желая, конечно, скомпрометировать своего попавшего в случай коллегу, перед торжественным концертом тайком подкинули ему на пюпитр десятидолларовую купюру. В самый разгар кантаты, дирижируя и переворачивая страницы, композитор наткнулся на коварный «бакс» и умер на месте от разрыва сердца...

Мне кажется, ближе к истине вторая версия Мишкиного вылета из армии, витавшая в основном среди женской части Алешкино. Ведь еще будучи простым мальчишкой, Курылев, голубоглазый и настойчивый, бряцавший в школьном ансамбле на бас-гитаре, переприставал почти ко всем пригожим алешкинским девчонкам. Став офицером, он – как подозревали – неуважительно спутался с дочкой какого-то там генерала и был за это сурово наказан. Косвенно эта гипотеза подтверждалась довольно-таки странным поведением воротившегося Мишки. Разумеется, как боеспособного мужчину, его сразу же захотели женить – и несколько заневестившихся односельчанок завязали с Курылевым целенаправленную дружбу. А одна, самая опытная, даже напросилась к нему на чай и дала себя попробовать, как на рынке дают попробовать тонко отрезанный кусочек соленого огурчика. Однако или Мишка не распробовал, или после своей служебной драмы вообще потерял охоту к соленому, но жениться он не стал ни на опытной, ни на какой другой.

Более того, к изумлению односельчан, Мишка задумал продать дом и поискать счастья на бескрайних российских просторах. Даже нашел покупателя – одного небезызвестного миллиардера, который, напротив, решил пересидеть трудные времена в тихой деревне, не высываясь. В годы владычества врагоугодников и отчизнопродавцев этот богатей был очень популярен тем, что иной раз жертвовал тыщонку-другую то роющейся по помойкам бывшей стахановке, то обезвитаминенному математическому вундеркинду. Об этом много тогда писали, даже сняли о молодом щедром миллиарднике документальный фильм «Фено-

мен джинсового мальчика». Путь в бизнес он начал студентом с того, что попросту сдавал свои собственные фирменные джинсы напрокат товарищам по общежитию, отправляющимся на свиданку. Скопив денег, он расширил дело: подкупил джинсов и модных рубашек, затем открыл палатку вблизи университета, а позже – и магазинчик... Переворот адмирала Рыка застал его владельцем сети универмагов и фабрик молодежной одежды. Жил он теперь, конечно, не в общежитии, а в ближнем Подмосковье, в роскошном особняке с зимним садом.

Придя к власти, Избавитель Отечества сразу же издал указ «О тщательной проверке законности нажитого имущества», и Особый комитет по расследованию экономических преступлений (ОКРЭП) заработал, как хороший снегоуборочный комбайн. У популярного биллионщика неприятности начались после того, как комитетчики обнаружили странный факт: те самые мемориально-стартовые джинсы, которые хранились на виду под стеклом в изысканном офисе удачливого молодого бизнесмена, оказались, во-первых, совсем не его размера, а во-вторых, и вовсе женскими! Копнув, обнаружили, что свой начальный капитал «джинсовый мальчик» сколотил, сутенерствуя среди бедненьких иногородних студенток, а также снабжая товарищей по общежитию «травкой» и «ширевом».

Понятное дело, имущество его было моментально конфисковано, а сам он скрылся с последним – чемоданом денег. Вот почему его очень даже устраивали неброское Алешкино и невзрачный курылевский домишко, который во избежание огласки он покупал на подставное лицо. В общем, Мишка и подпольный богачей обо всем вроде договорились, даже раздавили бутылочку «адмираловки», но вдруг покупатель внезапно и бесследно исчез. Поговаривали, что его, как и многих, доконала денежная реформа, без всякого предупреждения проведенная Избавителем Отечества. Адмирала страшно раздражала карамельная расцветка купюр, нашлепанных за годы Демократической Смуты. По слухам, потрясенный до основ, бывший биллионщик обложил себя несправедливо нажитыми и теперь потерявшими всякое достоинство биллионами и совершил акт саможжения, оставив адмиралу Рыку развязное до кошуновства письмо. Оно, кстати, тоже сгорело...

В итоге Мишка не уехал из Алешкино и даже подремонтировал родовую избушку, но не особенно, а ровно настолько, чтобы спать, не опасаясь быть разбуженным рухнувшей кровлей. К счастью, Курылев выучился по случаю обращаться с проекционной аппаратурой и потому смог устроиться киномехаником в алешкинский клуб вместо без вести пропавшего Второва. Получал Мишка пятнадцать рублей в месяц, но этих смешных по прошлым временам средств – теперь, после реформы адмирала Рыка, сделавшего рубль самой твердой валютой в мире, – хватало, чтобы скромно кормиться и даже позволять себе необременительные удовольствия.

Однако Курылеву этих денег показалось мало, и, когда в Демгородке завели выгребные ямы, он пошел на ассенизационную машину шофером-оператором за 35 целковых в месяц! Впрочем, легко сказать пошел, нет, сначала он получил информацию от соседа, уже устроившегося работать на демгородковскую водонапорку, потом с этой информацией упал в ноги той самой опытной девице, которая определилась поварихой в столовую спецназгвардейцев и даже завела шуры-муры с заместителем начальника охраны. Потом с Курылевым подзрительно беседовали начальник гаража штабс-капитан Зотов и начальник финансово-учетного отдела подъяесаул Папикян. Наконец Мишкины документы – жуткое количество анкет и тестов – прокрутили на каком-то гигантском компьютере, куда была всунута вся имеющаяся компроматуха на пособников антинародного режима, – и только после этого взяли на работу ассенизатором... Вся деревня, по-доброму болевшая за Курылева, собралась поглазеть, как он в первый раз на своем «дерьмовозе» въехал в бронированные ворота Демгородка. Не успел Мишка отработать и двух недель, как его вызвал к себе новый начальник отдела культуры и физкультуры подполковник Юрятин и предложил ему должность киномеханика в

демгородковском клубе. «Не ожидал?» – спросил он, пристально глядя Курьлеву в глаза. «Не ожидал», – честно признался опешивший Мишка. «Думаю, справишься, – сказал подполковник. – Но от халтуры в Алешкино придется отказаться. Дело предстоит серьезное, поэтому надо сосредоточиться и не расплыться!» За совместительство Курьлеву набросили еще двадцатку, но если учесть потерю пятнадцати рублей в алешкинском клубе, то прибыль оказалась не такой уж и гигантской.

Поначалу изолянтам показывали только киножурнал «Российские новости», чтобы злодеи имели хоть какое-нибудь представление о том, как славно зажила страна, сбросив их со своего пострадавшего тела. Других ведь источников информации они не имели: любые виды радиоприборов были строжайше запрещены. Но ситуация резко изменилась, когда Государственная комиссия по изучению преступлений против народа закончила свою работу и положила стовосьмидесятисемитомный отчет на стол адмиралу Рыку. Избавителя Отечества особенно потряс тот факт, что за годы господства антинародной клики количество проституток в стране возросло в 8 раз, гомосексуалистов – в 17, а скотоложцев – в 114! «Я всегда подозревал, что демократия – это всего лишь разновидность полового извращения!» – заметил адмирал по этому поводу.

Через неделю Мишке вместо обычных жестяных круглых коробок с новостями привезли еще два железных бочонка-яуфа с полнометражным двенадцатичастевым фильмом. Бросалась в глаза и еще одна странность: если до этого изолянты могли посещать киносеансы по своему усмотрению, то в тот памятный вечер поднятые по тревоге спецназгвардейцы согнали в клуб всех до единого поселенцев, включая ходячих больных.

Сперва, как обычно, показали новости, посвященные третьей годовщине Дня национального избавления. Собственно, это были и не новости, а одна большая речь, произнесенная адмиралом Рыком на Красной площади перед несметными толпами ликующих людей, которых особенно воодушевило, что Избавитель Отечества впервые стоял не на каком-нибудь мавзолее, а на капитанском мостике исторической субмарины «Золотая рыбка». Мавзолей же был демонтирован и перенесен в Центральный парк культуры и отдыха имени Александра Проханова, убитого во время печально знаменитого разгрома редакции газеты «День» буквально накануне падения антинародного режима.

Ильичева усыпальница теперь стоит чуть правее популярного среди детворы аттракциона «В пещере вампира», и каждый желающий, бросив в турникет пять копеек, может зайти вовнутрь и осмотреть останки вождя. Но детишки почему-то предпочитают вампирские кошмары этому тихо лежащему под стеклянным колпаком человеку с остренькой бородкой. Правда, одно время вокруг мавзолея закрутился ажиотаж, так как поползли слухи, будто, нуждаясь в деньгах, адмирал Рык отдал мумию Ленина одному греческому миллиардеру-марксисту в обмен на два танкера красного вина, которое бесплатно раздавалось обществу во вторую годовщину Дня национального избавления. Но лживость этих домыслов довольно скоро разъяснилась – и общественность снова потеряла к историческому телу всякий интерес. А для тех, кто изредка все-таки забредал в мавзолей, к стеклянному колпаку прикрепили две таблички:

НЕ ЦЕЛОВАТЬ!

НЕ ПЛЕВАТЬ!

Но вернемся к нашей истории. Едва закончились новости, Мишка включил второй проектор, куда уже была заправлена бобина с началом полнометражного фильма, а сам поставил чайничек и занялся перемоткой. Сначала он даже не обратил внимания на странный ропот, послышавшийся из зрительного зала. Но ропот становился все сильнее, все возмущеннее, тогда Курылев, опасаясь, не пережег ли он ленту, проверил аппарат и на всякий случай глянул в окошечко на экран. Глянул и обомлел: на экране происходило самое бесстыдное совокупление, какое только можно вообразить себе, между огромным негром и белотелой нимфоманкой.

– Прекратите! Позор! Дайте свет! – заголосили в зале.

Кое-кто даже рванулся к выходу, но был довольно грубо остановлен и возвращен на место спецназгвардейцами. И тут Мишка увидел, как на сцену, трясая своим явно неуставным животом, выбежал подполковник Юрятин. На фоне безумствовавшей во весь экран парочки он был похож на лилипута, залезшего в постель к великанам.

– Курылев, свет! – махнув рукой, крикнул Юрятин.

Мишка выполнил приказ – негр тут же исчез, только полувидимая нимфоманка продолжала одиноко извиваться на экране. А в зале тем временем забурлил праведный гнев оскорбленных сердец – все это очень напоминало первые, медовые дни российской демократии. ЭКС-президент даже вскочил на откидное кресло и, нелепо балансируя руками, закричал:

– Требую пресс-конференции с участием зарубежных корреспондентов!

– Не топчите мебель – она казенная, – довольно грубо перебил его начальник отдела культуры и физкультуры.

Тем временем экс-ПРЕЗИДЕНТ, с тупым сарказмом наблюдавший за кровавым врагом, удовлетворенно ухмыльнулся и сказал что-то на ухо своему любимому пресс-секретарю. Тот картинно откинул голову, похлопал себя ладонями по ляжкам и протяжно заржал. ЭКС-президент, неумело слезая с кресла, куда взлетел сгоряча, залился краской и глянул на обидчиков с беспомощным презрением. Зато его жена, фыркнув, обернулась к соседке, бывшему министру «социального презрения» (именно так назвал ее пост в одной из своих речей И. О.), и ядовито сказала:

– Боже мой, и этот тип управлял нашей страной!

Но соседка только жалко улыбнулась в ответ. Ее политическая карьера началась с того, что, выступая на Всероссийском съезде демократических воспитателей детских садов, она разрыдалась от избытка чувств – и вызвала овацию в зале. Неожиданный взлет и сокрушительное падение превратили ее в бессловесное запуганное существо.

Наметившуюся и ставшую уже привычной перепалку между сторонниками двух бывших президентов в зародыше пресек подполковник Юрятин. Он объявил, что теперь каждую субботу изолянты должны в обязательном порядке смотреть подобную кинопродукцию, чтобы на собственной шкуре ощутить тот непростительный разврат, в который они в годы своего самоуправства пытались ввергнуть Россию. Освобождение от воспитующего сеанса может дать только главврач Демгородка по согласованию с ним – начальником отдела культуры и физкультуры. Вопросы есть? Ответом ему было возмущенное молчание...

Любопытно, что сразу после демонстрации первого фильма распались две супружеские пары. Жена бывшего вице-премьера (№ 376-А) была поражена и оскорблена тем с каким нескрываемым упоением ее муж смотрел сцены самого разнузданного соития. Заявив, что все мужчины – животные, она собрала вещи и переселилась к изолянтке № 154-А, вдове бывшего следователя по особо важным делам, занимавшегося исчезнувшими деньгами партии и при довольно-таки странных обстоятельствах утонувшего в демгородковском пруду. Но второй случай вышел как раз наоборот: изолянтка № 281-А (жена бывшего президента Ямало-Ненецкого округа) воскликнула: «Ах, вот как это бывает на самом деле!» – и ушла от него к поселенцу № 104 – крепенькому еще начальнику канцелярии ЭКС-президента.

Мишка свел знакомство с Леной тоже благодаря этим киносеансам. Однажды, запустив ленту про двух братьев-некроманов, промышлявших на одном из центральных нью-йоркских кладбищ, он решил выкурить полученную от Рената заветную «Шипку» на свежем воздухе, спустился вниз по шаткой металлической лестнице и присел на ступеньку. Было лето. Курылев наслаждался теплым вечером и направленными струйками дыма отгонял настырных комаров. Услышав всхлипывания, он поначалу решил, что это просто отзвук разворачивавшейся на экране некроманской жути, но потом, оглядевшись, заметил девушку – она стояла у стены и плакала.

Это была, как вы уже, наверное, догадались, Лена, изолянтка № 55-Б, дочь довольно странного типа, пользовавшегося большим влиянием в администрациях всех президентов, не имея при этом никакой выдающейся должности... Полморсовский майор во время КПЗ уделил поселенцу № 55, между прочим, достаточно много внимания. Поначалу, когда шли первые аресты, про него как-то даже и забыли, как забыли про многих других. Напомнили сами арестованные демократы, которых со всех концов свозили на крытые теннисные корты спорткомплекса «Дружба». Каждый из вновь доставленных, скорбно поприветствовав знакомых, начинал довольно громко вопрошать: «А где такой-то? А этого почему здесь нет?» Спецназгвардейцам оставалось только записывать фамилии, прояснять адреса и выезжать на задержание.

Когда брали 55-го, заметили, что живет он довольно скромно в отличие от своих сподвижников, совершенно погрязших в валтасарщине. В трехкомнатной квартире, выходящей окнами на Новодевичий монастырь, ничего особенного не было, кроме двух занюханых «сислеев» и какого-то совсем не кондиционного, не внесенного даже в каталоги «Кандинского». Группу захвата № 55 встретил на пороге по-простецки: он был в повязанном вокруг пожилых чресел цветастом кухонном передничке, а в руке держал шумовку. На грозный вопрос, есть ли кто-нибудь еще в доме, он печально ответил: «Никого. Жена умерла три года назад, а дочь учится в Кембридже, пишет диссертацию об Уайльде...»

Эта самая кембриджская уайльдовка в тот теплый вечер стояла возле стены и всхлипывала, закрывая лицо ладонями.

– Допекло? – злорадно поинтересовался Курылев.

– Я больше не могу, – сдавленно ответила девушка. – У папы после этого спазмы...

Из-за меня...

– Раньше надо было думать, когда народ гноили!

– Мы не гноили, мы хотели как лучше...

– Верно, как для вас лучше!

– Это неправда!

– Правда. А кто вам вообще-то разрешил выйти из зала?

– Никто...

– Вы что ж, № 55-Б, по «коллективке» соскучились? – пригрозил Мишка, имея в виду принудительную работу на общественном картофельном поле.

– Нет... Я пойду... – испугалась девушка.

– Идите! И чтоб в последний раз! – вошел во вкус Курылев.

Она медленно, держась рукой за стену, пошла до двери, с трудом открыла ее и пропала в сладострастно чмокающей темноте кинозала.

– Строгий ты парень! – вдруг услышал Мишка ехидный голос за спиной.

Это был сержант Хузин.

– Ты ее выпустил? – догадался Мишка.

– Девушек надо жалеть!

– Она не девушка, а изолянтка...

– Послушай, Курылев, ты действительно такой верноподданный или придуриваешься?

– Я вольнонаемный, – отрезал Мишка, давая понять, что, если ему придется выбирать между жалостью и жалованьем, он колебаться не станет.

– Ладно, Кнут Гамсун, давай заказ! – поморщился Ренат.

Курылев протянул ему конвертик, а взамен получил довольно внушительный сверток. Это был бизнес: Мишка незаметно вырезал из фильмов самые забористые кадры и через сержанта Хузина переправлял их изнывающим от безделья спецнацгвардейцам, а взамен получал сигареты и прочие достопримечательности боевого пайка.

– Придешь в воскресенье? – спросил Ренат, пряча конвертик в карман пятнистой куртки.

– Ну конечно! А ты меня опять на полполучки кинешь!

– Я буду только левой кидать...

– Я подумаю.

– А ты еще и думать умеешь! – засмеялся Ренат, по-басурмански подвизгивая.

Каждое воскресенье проводились соревнования по «демгородкам». Эту игру Избавитель Отечества в одной из своих речей назвал «блестящей народной насмешкой над утеснителями», но придумал ее на самом деле советник адмирала по творческим вопросам Николай Шорохов. От классических городков «демгородки» отличались лишь тем, что вместо обычных чурок фигуры складывались из деревянных болванчиков, изображавших всех главных злодеятелей сметенного антинародного режима, и назывались «Президентский совет», «Парламент», «Конституционный суд» и так далее...

Ренат был абсолютным чемпионом среди спецнацгвардейцев, а иногда играл и на деньги.

4

Сегодня во всем мире существует обширная литература, посвященная историческому перевороту адмирала Рыка. Был даже придуман новый термин «благоворот» – государственный переворот, совершенный во благо народу. Но поскольку этот термин в науке пока еще не прижился, я им пользоваться тоже не стану.

Первым на эпохальный рейд подводной лодки «Золотая рыбка» отреагировал общеизвестный русскоязычный шелкопер, проживавший, понятное дело, в США и оттуда, из-за океана, оплевывавший нашу Родину. Буквально в течение недели он сляпал на компьютере грязный пасквиль «Шантаж века». Анализировать это сочинение не имеет никакого познавательного смысла, тем более что сам автор был найден на дне своего собственного бассейна с подогретой морской водой.

Потому совсем уже иной подход к теме мы обнаруживаем в монографии британского исследователя Р. Праттлера «Атомная угроза как фактор исторического прогресса», ученый пишет: «Адмирал Рык и его субмарина „Золотая рыбка“, несшая на борту торпеды с ядерным зарядом, никогда бы не оказали заметного влияния на судьбу мировой цивилизации, если бы не серьезнейшие экономические и политические просчеты, допущенные администрациями всех трех российских президентов».

Схожие суждения можно найти и в большой статье видного немецкого политолога Г. Швецера «Смена курса». Он замечает: «Тот факт, что адмирал Рык изменил курс своей подводной лодки и оказался у берегов Японии, мог так и остаться рядовым недоразумением между двумя военными ведомствами, однако в дело, как это часто бывает в истории, вмешался третий фактор – обнищавший народ расчлененного СССР...»

В нашумевшей книжке французского журналиста М. Бавардера «Субмарины истории» мы видим, конечно, несколько беллетризованную, но в целом довольно правдивую картину тех судьбоносных дней: «...Россия сброшена к подножию геополитической пирамиды. Унижена и оскорблена. В обществе, терзаемом комплексом исторической неполноценности, зреет взрыв. Нужен лишь детонатор. И вот подводная лодка адмирала Рыка, этот троянский конь конца второго тысячелетия, появляется у берегов Японии. Появляется как раз в тот момент, когда очередной российский президент ведет там переговоры о продаже острова Сахалин. О, как быстро повернулся флюгер истории! Ультиматум... Тщетные попытки запеленговать сумасшедшую субмарину... Мир, затаивший дыхание в предчувствии атомной катастрофы... И наконец – компьютерная мудрость хозяина Белого дома: „Российский президент мне друг, но Япония дороже!“

Однако, на наш взгляд, самую точную и по-восточному образную оценку случившемуся дал знаменитый китайский поэт и публицист Ван Дзе Вей в своем замечательном романе о бабушке великого Ду Фу. Он написал: «Лучший способ вылечить больного медведя – это попытаться снять с него шкуру».

Что же касается отечественной Рыкианы, то даже самый беглый ее обзор занял бы очень много места. Статьи, брошюры, полновесные монографии, тематические сборники, мемуары уже сегодня составляют целую библиотеку. Поэтому всех интересующихся я отсылаю к коллективному труду отечественных ученых «Легендарный рейд. Библиографический указатель в 3 томах». Думаю, заинтересует читателей и выпущенная недавно в серии «Библиотека поэта» большая антология «Подвиг адмирала Рыка в российской поэзии».

В лживых парламентах до хрипоты
Драли мы глотки.
Путь указал нам из темноты —

Подвиг подлодки!

Эти строки недавнего концептуалиста и метаметафориста свидетельствуют о колоссальном сдвиге, происшедшем в сознании нашей творческой интеллигенции под влиянием событий, связанных с именем адмирала Рыка.

Большое видится на расстоянии! И сегодня, когда мы говорим о жизни и деятельности Избавителя Отечества, нам иногда кажется, будто мы знаем о нашем замечательном современнике практически все! Ну и в самом деле, кто же не знает, что Иван Петрович Рык появился на свет в подмосковном городе Люберцы в семье простого токаря-расточника? Рос вежливым, любознательным ребенком и с детства бредил морем... Однако лишь совсем недавно ученые установили, что родился будущий адмирал не в Люберцах, а в Москве, куда его матушка Антонина Марковна Рык (в девичестве Конотопова), будучи на сносях, поехала к подруге за выкройками. Вот, кстати, почему родильный дом № 7 носит теперь имя Избавителя Отечества, а не Грауэрмана, как прежде. И раз уж мы коснулись этой деликатной темы, необходимо прояснить и отместить различные домыслы, блуждающие вокруг родословного древа адмирала. Своеобычная фамилия – Рык – не свидетельствует и не может свидетельствовать о принадлежности предков Избавителя Отечества к лицам русофобской национальности. А свидетельствует эта фамилия лишь о том, что отвага и верность идеалам – родовая черта Ивана Петровича!

Когда был осужден и расстрелян бывший предсовнаркома Рыков, сотни и тысячи встревоженных его однофамильцев метнулись в загсы: кто-то стал Ивановым, кто-то Петровым, кто-то вообще – Осоавиахимовым... И лишь дед адмирала, в душе хохоча над тиранами, попросил вычеркнуть только две последние буквы своей чреватой фамилии. Видный исследователь Фромма и Кафки Григорий Самоедов писал по этому поводу: «Прояви хотя бы каждый третий, каждый пятый, каждый десятый такое же несуетное мужество, какое проявил в то лихое время Кузьма Филиппович Рыков, – и сталинизм рухнул бы сам собой...»

Важнейшая проблема сегодняшней научной Рыкианы – строгое отделение зерен подлинных фактов от бесчисленных плевел вымысла и откровенных фальсификаций. Впрочем, тот же Г. Самоедов считает, что мы имеем дело с процессом фольклоризации образа Избавителя Отечества в народном сознании. Подобно тому как некогда многочисленные дружинники Вольги не могли вытащить из земли сошку Микулы Селяниновича, так на сегодняшний день зарегистрировано более 800 человек, деливших в свое время кубрик со старшиной второй статьи Иваном Рыком. А за одной партией с ним же, но уже курсантом военно-морского училища имени Ленинского комсомола сидело, по разным источникам, от 189 до 216 однокашников. Что же касается людей, служивших вместе с будущим адмиралом сначала в Севастополе, а потом в поселке Тихоокеанском (в просторечии – Техас), то они просто-напросто не поддаются учету... Подписав указ о немедленном роспуске Всероссийского союза соратников Избавителя Отечества (ВССИО), Иван Петрович заметил в кругу близких: «Если бы у меня на самом деле было столько друзей и товарищей, я бы спился насмерть уже в Техасе, а может быть, еще и в Севастополе». Увы, многими неточностями, обильно встречающимися в популярной Рыкиане, мы обязаны занятой, но в научном смысле абсолютно несостоятельной книжке «Солнце над бездной», написанной небезызвестным телеобозревателем Веткиным. Иногда приходится слышать вопросы: мол, а не родственник ли он тому самому Веткину, который скандально прославился своей оголтелой борьбой за передачу немцам исконно русской Кенигсбергской области? Нет, не родственник и даже не однофамилец. Это он самый и есть.

Свою книжку он сочинял, находясь под следствием как активный пособник антинародного режима, а закончив, направил рукопись Избавителю Отечества вместо прошения о помиловании. Адмирал Рык внимательно ознакомился с текстом и начертал резолюцию:

«Эта вещь посильнее „Репортажа с петлей на шее“ Фучика. Человек, обладающий такими выдающимися хамелеоновскими способностями, – достояние нации. Сохранить и употребить!» Ныне Веткин трудится над новой книжкой «Ни пяди!».

Но вернемся к работам западных исследователей. Итальянский профессор из Милана Б. Кьяккери в своей монографии «Разум истории, или История безумия» пишет: «Без сомнений, на обостренное восприятие адмиралом Рыком происходящих внутри страны процессов серьезное влияние оказали два субъективных момента: личная драма и знакомство с идеями прогрессивного русского зарубежья». Мне остается только расшифровать эти намеки на обстоятельства, пока не получившие должного освещения в отечественной исторической науке.

Нужно откровенно признаться, что накануне той всемирно-исторической «автономки» Иван Петрович поссорился и разъехался со своей многолетней и любимой женой Галиной, которая вместе с сыном отбыла к родителям в Севастополь. Супруга будущего Избавителя Отечества, урожденная Тищенко, имела в паспорте трезубец и запись, удостоверяющую ее безукоризненное украинство, и поэтому могла воротиться на жительство в город славы украинского оружия и даже поселиться в родительской квартире на бульваре Степана Бандеры. А вот капитану первого ранга Рыку, чистому русаку как по крови, так и по паспорту, никакой визы не дали, и он, бросившийся вслед жене, чтобы объясниться и восстановить целостность семьи, был грубо задержан на границе. Иван Петрович даже не мог как следует объяснить пограничникам в шелковых шароварах свои супружеские намерения, так как испытывал с украинской мовой определенные трудности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.